

УДК 159.9.07

Особенности категории врага в психоаналитической концепции

Потапов Даниил Сергеевич

Аспирант,
Морской гуманитарный институт,
Морской государственной университет,
690003, Российская Федерация, Владивосток, ул. Верхнепортовая, 50-а;
e-mail: potapov@mail.ru

Аннотация

Несмотря на то, что категория образа относится к базовым категориям психологии, неопределенность ее содержания по сей день заставляет дискутировать психологов и философов спорить на предмет того, что она включает в себя. Без подробного рассмотрения категории образа и образа мира рассмотрение образа врага представляется несколько затрудненным, поскольку крайне неопределенным является само определение и содержание категории «образ врага». В связи с этим в данной статье ставится цель рассмотреть особенности категории образа врага в психологии, уделяя особое внимание ее исследованию в контексте психоаналитического направления – классического фрейдизма и близких к нему течений, включая структурный психоанализ. В статье проводится исторический обзор категории образа врага с момента выделения категории образа. Показано, что образ врага в психоаналитических концепциях связан с влиянием окружения личности: данный образ актуализируется под действием механизмов психологической защиты, когда возникает угроза целостности сознательным установкам и усвоенным значимым ценностям. Образ врага не формируется как таковой сам по себе, это происходит благодаря усвоению бессознательных установок ближайшего окружения индивида.

Для цитирования в научных исследованиях

Потапов Д.С. Особенности категории врага в психоаналитической концепции // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 2А. С. 76-82.

Ключевые слова

Образ, образ врага, образ мира, образ жизни, архетип, архетип врага.

Введение

З. Фрейд рассматривает образы как воспроизведение в сознании инстинктов и влечений, которые связывают человека не с объективной реальностью, а с внутренним миром, отражая его подводные течения и коллизии. В психоанализе категория образа предстает как транслятор искаженных реалий действительности, представленных во внутреннем (бессознательном) мире человека [Фрейд, 2007].

В свете теории Фрейда, образ врага можно рассматривать как то, что мешает удовлетворять определенные потребности или угрожает их удовлетворению, а также – как то, что актуализирует инстинкт смерти (танатос). Не случайно при столкновении со смертельно опасным врагом людям свойственно использовать все доступные им ресурсы, чтобы избавиться от угрозы для собственной безопасности. В такой ситуации Эго и Супер-Эго теряют контроль над сознательными действиями, которые запускаются под влиянием механизмов психологической защиты: рационализации (не было выхода, я должен был так поступить), проецирования (он сам хотел меня убить), вытеснения (человек забывает собственное проявление агрессии по отношению к другим).

Образ врага при запуске деструктивных форм поведения может сопровождаться и другими механизмами психологической защиты, среди которых можно отметить следующие:

Интроекция – при которой человек приписывает себе черты поведения и особенности мышления другого, к которому испытывает чувство любви или ненависти. Частным проявлением действия этого механизма психологической защиты является идентификация с агрессором, когда человек идентифицирует себя с тем, что пугает его. Понятие идентификации в психоанализе имеет двойственную функцию: с одной стороны, она оказывает влияние на успешность социализации, способствуя освоению особенностей поведения родителей их детьми, а с другой – выполняет защитную функцию, позволяя приписать себе черты более сильного и опасного человека.

Замещение, означающее перенос негативных чувств и форм поведения с одного, более значимого, объекта на другой, менее значимый. Например, во время Отечественной войны все советские солдаты и гражданское население знали имена Гитлера и его генералов, но ввиду того, что до них было невозможно добраться, переносили агрессию на обычных солдат и офицеров.

Основная часть

Формирование образа врага, согласно идеям З. Фрейда, во многом зависит от лидеров или руководителей, с которыми массы вроде военнослужащих или прихожан идентифицируют себя. По сути, их собственный Я-идеал устанавливается на пьедестал, и люди ощущают свою идентичность с ним. В работе «Введение в психоанализ» Фрейд объясняет, почему поиски врагов, их идентификация и борьба с ними являются необходимыми поведенческими установками для человека. Если агрессия не находит выхода, это губительно для человека и его окружения: «...все выглядит так, как будто нужно разрушить другое и других, чтобы не разрушить самого себя, чтобы оградить себя от стремления к саморазрушению». Лидер в этой ситуации направляет энергию толпы на какой-то определенный объект, помогая ей тем самым дать выход накопившейся агрессии [Фрейд, 2006].

Ученик З. Фрейда К.Г. Юнг представляет образы в качестве первичных активных феноменов душевной жизни. Способность психики создавать образы дает человеку

возможность переживания реальности, поскольку «мы непосредственно живем исключительно в мире образов» [Шульц, 2002]. Образы у К.Г. Юнга выступают не просто репрезентацией, а феноменом, выполняющим активную, созидательную функцию. Юнг попытался рассмотреть образ как первичный феномен, автономную активность души, способную как к созданию, так и к воспроизведению.

Юнг включил в понимание человеческого субъекта бессознательные психические процессы, назвав расширенную концепцию личности «психе»- душа. Человеческая душа обладает своими собственными категориями, по аналогии с логическими категориям разума. Данные структуры связаны с такими видами человеческой деятельности, как материнство, отцовство, рождение и перерождение, самоопределение, идентификация, старение и так далее.

Если Фрейд рассматривал образы как психические копии инстинктов, то в теории Юнга они выступали как собственно источник нашего ощущения психической реальности. Стоит отметить, что, согласно К.Г. Юнгу, наиболее близкими к содержанию категории «образ врага» выступает архетип Тени – то, что мы всячески отрицаем и не признаем в себе. Тень также выражает поведение, несовместимое с требованиями социума, отвечая за появление агрессивных мыслей, слов и действий по отношению к себе и другим [Берн, 1997].

Исходя из юнговского понимания архетипа, в формировании образа врага необходимо выделить роль другого архетипа: Персоны, которая показывает наше поведение перед другими людьми. Если мы всячески отрицаем темную сторону своей сущности, то Персона заставляет нас активно усиливать те осознаваемые социальные установки и образцы поведения, которые мы считаем социально одобряемыми. Поэтому, формируя образ врага, мы исходим из того, что даже если у нас четкого понимания данного понятия, у нас есть образец того, как надо относиться к тому, что обозначается концептом «враг».

Чем сильнее выражена установка на благопристойное поведение, чем старательнее человек стремится следовать общепринятым коллективным нормам, тем больше усилий ему приходится прилагать для компенсации дремлющих в нем первобытных инстинктов разрушения и смерти. Архетип Тени в сновидениях выглядит как темная мрачная фигура одного пола со сновидцем, которая всем своим видом навевает иррациональный бесконтрольный ужас [Юнг, 2015]. Являя собой феномен коллективного бессознательного, архетип Тени при вторжении в сознание индивида порождает негативные проекции, ведущих к разрушительным психическим конфликтам и деструктивным действиям. В этой ситуации необходимо определить мишень, на которую будет направлена негативная энергия архетипа Тени, что порождает необходимость создания коллективного сознательного образа врага, с четкими параметрами его идентификации [Юнг, 2017].

Самой популярной работа о феномене «образа врага», на которую ссылаются большинство исследователей книга американского психолога Сэм Кина «Лица врага», выпущенная в 1986 году в Нью-Йорке.

С. Кин подошел к исследованию вопроса о формировании «образа врага» с точки зрения теории Юнга К.Г., опираясь на понятия коллективного бессознательного и архетипов. Благодаря опыту предыдущих поколений, заключенному в культурных образах, символах и т.д. (иначе говоря, коллективном бессознательном), в нашей психике появляются определенные эмоциональные типические реакции на те или иные ситуации, то есть стереотипы поведения или архетипы. Кином была составлена классификация архетипов «образов врага», включающая в себя такие понятия, как чужой, преступник, враг Бога, агрессор, смерть, насильник, палач, варвар, достойный противник, мучитель [Keen, 1986].

Подобный подход в отношении образа врага объясняется наличием у последнего особых негативных характеристик:

- Враг представляет собой смертельную угрозу;
- Его основной целью является уничтожение;
- Его отличает коварство, склонность к насилию, ненависть, агрессия;
- Олицетворяет собой смерть.

Средства культурной репрезентации в виде сказок, песен, сказаний, мемуаров исторических личностей содержат в себе архетип Врага, выраженный в негативных образах и определениях: жестокий, коварный, злобный, непримиримый, т.п. Создаются визуальные образы врага: огромный, с угрожающей манерой поведения, унижающий и уничтожающий, обладающий неприятной отталкивающей внешностью, мечтающий причинить как больше ущерба невинным людям, особенно женщинам, детям, старикам.

По мнению современных представителей психоанализа Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева, можно выделить архетип Врага, обладающий способностью наделять других людей и группы негативными характеристиками [Короленко, 2003].

Однако следует отметить, что сам по себе любой архетип не может быть плохим или хорошим. Он меняется только тогда, когда происходит давление архетипа на личность, вызывая тем самым деструктивное поведение. Архетип врага в этом случае позволяет использовать для защиты от мнимой угрозы самое жестокое насилие: так поступил Гитлер, объявив всех несогласных врагами арийской расы, и так же поступил Сталин, устроив зачистку в рядах своих сподвижников.

Образ врага позволяет решить вопрос с собственной совестью, выступая своего рода миротворцем между Эго и Супер-Эго: то, что нельзя делать по отношению к своим, можно делать по отношению к чужим. Добавим сюда механизмы психологической защиты, перечисленные выше, и получим уникальный договор между совестью, выступающей как результат родительских санкций в процессе формирования Супер-Эго, и темными инстинктами бессознательного, направленными на разрушительные действия.

На наш взгляд, теория формирования эго-идентичности Э. Эриксона достаточно наглядно объясняет, откуда берется образ врага. Согласно данной теории, в процессе жизненного пути индивид последовательно проходит через 8 стадий, каждая из которых имеет свои особенности и кризисы. Нас больше привлекает пятая стадия, обозначаемая как отрочество и юность. В этот период происходят самые глубокие жизненные кризисы, к которому приводят следующие линии развития: бурное физиологическое развитие и физический рост, озабоченность подростка своим образом в глазах других и необходимость найти свое профессиональное и жизненное призвание в соответствии с приобретенными умениями, индивидуальными потребностями и требованиями общества. Эриксон пишет, что в этот отрезок жизненного пути наблюдаются два выраженных внутренних конфликта: личностная индивидуальность против ролевого смещения или спутанности идентичности [Эриксон, 1996].

Если подросток успешно решает кризис идентичности, то в нем крепнет уверенность, что выбор определенного пути становления был значим как для него, так и для общества. Эго-идентичность представляет собой осознанный опыт способности собственной личности интегрировать все идентификации с либидозными влечениями, умственными способностями и предоставляемыми социальными ролями благоприятными возможностями. Возрастает уверенность в том, что значимая для личности индивидуальность и целостность имеет такое же важное значение и для других.

На этой стадии опасность представляет ролевое смещение эго-идентичности, вызванное изначальной неуверенностью в сексуальной идентичности и тревожностью, вызванной неспособностью решить вопрос с профессиональной идентичностью. Чтобы справиться с негативными переживаниями и эмоциями, подростки могут развить в себе сверхидентификацию с другими значимыми лицами, иногда – вплоть до потери собственной идентификации. Жестокость подростков по отношению к чужим и избирательность в общении представляет собой защиту собственной идентичности от смещения и обезличивания. Создаются замкнутые группы, в которых формируются образцы допустимого и запрещенного поведения, что означает также установление признаков, по которым выполняется идентификация врагов. При этом процесс проверки на верность многими встречается с восторгом, что характерно для общностей, которые уже потеряли или на пути к потере собственной групповой идентичности, неважно, о каком виде идентичности идет речь: национальная, классовая, племенная, т.п. В этот период жизни ум подростка находится в состоянии моратория, в связи с чем для нахождения управляющих социальной идентичностью ценностей подросток стремится найти общество или отдельных людей, которые будут общаться с ним на равных. И он уже готов к тому, что свое положение равного ему необходимо подтверждать через прохождение определенных ритуалов, символов веры и принятие программ, которые определяют, что является врагом или другом. На наш взгляд, формирование образа врага в рамках определенной идеологии опирается на это положение теории Эриксона: образ врага создается теми, кому индивид доверяет, причем происходит это по причине необходимости установить собственную идентичность. То есть, скажи мне, кто твой враг, и я скажу, кто твой друг.

Образ врага можно рассматривать как качественную (оценочную) характеристику «врага», сформированную в общественном сознании. При этом «враг» и его «образ» могут значительно отличаться друг от друга, т.к. восприятие отражает не только объективную реальность, но и оценочные интерпретации, и эмоциональные компоненты перцепции. Аналогичную идею можно проследить в трудах Ж. Лакана, основателя структурного психоанализа: реальное не всегда связано с символическим, обозначающим его. Именно понятие «враг» и придает образу связь с символикой зла и соответствующим ему атрибутами в индивидуальном и массовом сознании [Лакан, 1995].

Различные образы «врагов» дают представление о том, что или кто является угрозой для той или иной социальной общности в определенный момент времени, в определенной ситуации, каковы параметры этой угрозы с точки зрения силы, активности, опасности, что необходимо предпринять для защиты от «врага». Эти «образы», как и другие негативные стереотипы, могут передаваться от поколения к поколению, меняться от эпохи к эпохе, исчезать и возрождаться вновь.

Заключение

Выделяя в общем виде образы на уровне чувственного опыта и умственной категории, стоит обратить внимание на то, что образ врага как таковой в целом не является проработанным. Мы сталкиваемся с тем, что психоанализ не выделяет категорию «образ врага» как предмет изучения. Возникает парадоксальная ситуация – название есть, содержания нет. Это как вещь в себе, существование которой признается всеми, но что за ней скрывается, неизвестно никому, или, точнее сказать, каждый вкладывает в это определение собственный смысл. Образ врага выделяется как продукт, сформированный в результате интеграции индивида с социумом.

В качестве содержания образа врага рассматриваются аффективно окрашенные картинки с повышенной способностью к трансформации, актуализируемые только в случае непосредственного столкновения с тем, что относят к понятиям «враг» или «вражеский». В профессиональной подготовке военных кадров категория образа врага является основополагающим элементом образа мира и образа жизни.

Библиография

1. Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. СПб., 1997. 496 с.
2. Короленко Ц.П. Психоанализ и психиатрия. Новосибирск, 2003. 667 с.
3. Лакан Ж. Функция и поле языка и речи в психоанализе. М.: Гнозис, 1995. 106 с.
4. Фрейд З. Введение в психоанализ. М.: АСТ, 2006. С. 256
5. Фрейд З. Психология бессознательного. СПб.: Питер, 2007. 400 с.
6. Шульц Д.П. История современной психологии. СПб.: Евразия, 2002. 532 с.
7. Эриксон Э.Г. Детство и общество. СПб., 1996. 592 с.
8. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Канон +, 2015. 336 с.
9. Юнг К.Г. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 2017. 352 с.
10. Keen S. Faces of the Enemy: Reflections on the Hostile Imagination. San Francisco: Harper & Row, 1986. 200 p.

Features of the enemy category in the psychoanalytic concept

Daniil S. Potapov

Postgraduate,
Maritime Humanitarian Institute,
Maritime State University,
690003, 50-a, Verkhneportovaya st., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: Potapov@mail.ru

Abstract

Despite the fact that the category of the image belongs to the basic categories of psychology, the uncertainty of its content still compels psychologists and philosophers to argue about what it includes. Without a detailed consideration of the category of the image and the image of the world, the consideration of the image of the enemy seems to be somewhat difficult, since the very definition and content of the category “image of the enemy” is extremely uncertain. In this regard, this article aims to consider the features of the category of the image of the enemy in psychology, focusing on its research in the context of the psychoanalytic direction, classical Freudianism and trends close to it, including structural psychoanalysis. The article provides a historical review of the category of the image of the enemy since the selection of the category of the image. It is shown that the image of the enemy in psychoanalytic concepts is associated with the influence of the environment of the individual: this image is actualized under the influence of psychological defense mechanisms, when there is a threat to the integrity of conscious attitudes and learned valuable values. The image of the enemy is not formed as such by itself, this is due to the assimilation of the unconscious attitudes of the immediate environment of the individual.

For citation

Potapov D.S. (2019) Osobennosti kategorii vraga v psikhoanaliticheskoi kontseptsii [Features of the enemy category in the psychoanalytic concept]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 8 (2A), pp. 76-82.

Keywords

Image, image of the enemy, image of the world, way of life, archetype, archetype of the enemy, world of profession.

References

1. Bern E. (1997) *Vvedenie v psikhiatriyu i psikhoanaliz dlya neposvyashchennykh* [Introduction to psychiatry and psychoanalysis for the uninitiated]. St. Petersburg.
2. Erickson E.G. (1996) *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and society]. St. Petersburg.
3. Freud Z. (2007) *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious]. St. Petersburg: Piter Publ.
4. Freud Z. (2006) *Vvedenie v psikhoanaliz* [Introduction to psychoanalysis]. Moscow: AST Publ.
5. Jung K.G. (2015) *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow: Kanon + Publ.
6. Jung K.G. (2017) *Chelovek i ego simvol* [Human and their symbols]. Moscow: Serebryanye niti Publ.
7. Lacan J. (1995) *Funktsiya i pole yazyka i rechi v psikhoanalize* [The function and field of language and speech in psychoanalysis]. Moscow: Gnozis Publ.
8. Keen S. (1986) *Faces of the Enemy: Reflections on the Hostile Imagination*. San Francisco: Harper & Row.
9. Korolenko Ts.P. (2003) *Psikhoanaliz i psikhiatriya* [Psychoanalysis and psychiatry]. Novosibirsk.
10. Schulz D.P. (2002) *Istoriya sovremennoi psikhologii* [The history of modern psychology]. St. Petersburg: Evraziya Publ.